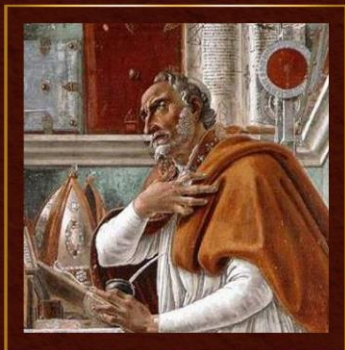

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

О ЖИЗНИ БЛАЖЕННОЙ

«О жизни блаженной» — сочинение величайшего христианского проповедника и теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis, 354–430).

Существует страна блаженной жизни, чьей гавани достигнут те, кому знакома философия умиротворенной мудрости.

Другими известными сочинениями Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О различных вопросах», «О порядке», «О количестве души» и «Монологи».

Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

Августин Блаженный

О жизни блаженной

Эта, три дня веденная книга, содержит в себе состязания, посвященные Феодору, которые сводят дело к определению, что блаженная жизнь исключительно состоит в познании Бога.

Глава I

Предисловие

Посвящает книгу Феодору, и открывает ему, какими своего рода ветрами он загнан был в гавань христианской философии.

Повод к состязанию

Посвящает книгу Феодору, и открывает ему, какими своего рода ветрами он загнан был в гавань христианской философии.

Если бы, муж благосклоннейший и великий Феодор, в ту гавань, из которой вступают уже в страну и на почву блаженной жизни, приводили разумом данное направление (*кораблю*) и сама собою взятая добрая воля: то не знаю, имел ли бы я или не имел оснований сказать, что этой гавани тогда достигло бы гораздо меньшее число людей; хотя и теперь, как видим, входят в нее весьма редкие и немногие. Ибо когда Бог, или натура, или

закон необходимости, или наша воля, или нечто иное с этим соединенное, или все это вместе (ибо вопрос этот весьма темный, хотя ты уже и взялся за его разъяснение) бросает нас как бы беспричинно и как пришлось в этот мир будто в некое бурное море; насколько и кто отдал бы себе отчет, куда ему нужно стремиться, какую стороною возвращаться, если бы когда-нибудь какая-либо невзгода, кажущаяся глупым несчастною, не прибила неведущих и блуждающих, против даже их воли, и вопреки принятому ими направлению, к земле желаннейшей?

Итак люди, которых философия может принять (в свою гавань), кажутся мне как бы тремя родами плавающих. Один из них те, которые с недалекого расстояния, где застанет их возраст, владеющий разумом, при помощи небольшого взмаха и удара весел уходят и укрываются в этом покойном месте; и оттуда остальным гражданам, кому могут, подают яснейший знак, что кому делать, дабы надоумленные этим стремились к ним. Другой род, противоположный предыдущему, представляют собою те, которые, обольстившись обманчивым видом моря, порешили выйти в открытое море, отважились плавать вдали от родины и часто ее забывают. Если таким (не знаю, как это бывает, но бывает чрезвычайно таинственным образом) подует ветер от кормы,

считающийся благоприятным, — они доходят до величайших бедствий, гордятся и радуясь, что им постоянно льстит самое обманчивое ведро наслаждений и почестей. Чего, в самом деле, пожелать им в таких обстоятельствах, которые, подталкивая, улавливают их, как не дурной погоды, а, если мало, то и жестокой бури и противного ветра, который бы привел их, хоть плачущих и вздыхающих, но к радостям верным и прочным? Впрочем, из этого рода многие, еще не очень далеко забредшие, бывают приводимы назад некоторыми и не столь великими скорбями. Это те люди, которые, или вследствие печально-трагической судьбы своих богатств, или же вследствие досадливых неудач в мелких делах, как бы за неимением других занятий вчитавшись в книги людей ученых и мудрейших, пробуждаются некоторым образом в самой гавани, откуда уже не выманивают их никакие обещания коварно улыбающегося моря. Третий между этими род людей представляют собою те, которые на самом ли то пороге юности, или уже много и долго наносимые ветром, усматривают позади себя некоторые знаки, вспоминают среди волн о своей милой отчизне, и ничем не обманываясь, несколько не медля, спешат к ней по прямому направлению; а большая часть их, сбившись с прямого пути среди туманов, или располагая его по заходящим звездам,

или обольстившись некоторыми соблазнами, откладывают время доброго плавания и блуждают далее; часто они подвергаются и опасности. Часто и их пригоняет к желаннейшей и мирной отчизне крушение скоропреходящих благ, как бы некая противная их усилиям буря.

Но все они, каким бы кто образом ни был принесен к стране жизни блаженной, должны крайне страшиться и с особою осторожностью избегать одной ужаснейшей горы, расположенной перед самою гаванью, которая причиняет и входящим великие опасности. Ибо она так блестит, таким облечена ложным светом, что не только дошедшим, но еще не вошедшим предлагает себя для обитания и обещает удовлетворить всем их пожеланиям, как и самая блаженная земля; но весьма часто привлекает к себе людей из самой гавани и удерживает их иногда на себе, давая им наслаждаться самою высотой, откуда им приятно с презрением смотреть на остальных. Впрочем, последние нередко напоминают идущим, чтобы они остерегались скрытых под водою скал, или чтобы не считали делом легким взойти к ним; и самым благосклоннейшим образом наставляют, как войти (в гавань), не подвергаясь опасности от соседства этой земли. Завидуя им в пустейшей славе, они показывают таким образом место надежнейшее. Под эту горою, которой должны опасаться

приближающиеся к философии и вошедшие в ее область, здравый смысл дает разуметь не другое что, как горделивое пристрастие к пустейшей славе. До такой степени она не имеет внутри себя ничего плотного и твердого, что ходящих по ней гордецов погружает и поглощает в проламывающую хрупкую почву и, возвращая их в мрак, лишает светлейшего дома, который они почти уже видели.

Если это так, вникни, мой Феодор, — ибо в тебе я вижу и всегда чту единственного и наиболее способного человека, могущего удовлетворить моим желаниям, — вникни, говорю, к какому роду людей из означенных трех я принадлежу, в каком месте я на твой взгляд нахожусь, и какого рода помощи я могу наверное ждать от тебя. Мне был двадцатый год моего возраста, когда в школе ритора я прочитал известную книгу Цицерона, называемую Гортенziem, и воспламенился такою любовью к философии, что помышлял перейти к ней тогда же. Но как не было для меня недостатка в туманах, которые затрудняли мой путь; так долго, признаюсь, руководился я и погружающимися в океан звёздами, которые вводили меня в заблуждение. Сперва удерживала меня от исследования этого рода некоторая детская робость; а когда я сделался бодрее, разогнал этот мрак и пришел к убеждению, что скорее следует верить учащим, чем повелевающим, — попал на

таких людей, которым этот, воспринимаемый глазами, свет казался достойным почитания наравне с высочайшим и божественным. Я с этим не соглашался; но думал, что они скрывают под этим покровом нечто великое, что откроют когда-нибудь после. Когда, по рассеянии их, я ускользнул от них, особенно после того, как переплыл это море, мои рули, противоборствующие всем ветрам, долго среди волн держали в своих руках Академики. Затем пришел я в эти земли; здесь узнал северное созвездие, которому мог себя вверить. Из речей нашего священника, а иногда из твоих, я увидел, что не следует мыслить ничего телесного, когда мыслишь о Боге, равно и когда мыслишь о душе; так как это предмет один из всех — ближайший к Богу. Но, признаюсь, привлекательность женщины и служебной карьеры удерживала меня погрузиться немедленно в лоно философии: изведавши это, я полагал потом уже — что удастся немногим счастливейшим — устремиться на всех парусах и веслах в эту гавань, и там успокоиться. Прочитав же несколько книг Платона, жарким приверженцем которого я тебя знаю, и сопоставив с ними, насколько мог, авторитет тех, которые предали нам божественные тайны, я воспламенился до такой степени, что готов был обрубить все эти якоря, если бы не поколебало меня мнение некоторых людей. Затем, что больше

оставалось, как не то, чтобы на помощь мне, предавшемуся пустым упражнениям, подоспела буря, считающаяся несчастьем? И вот меня охватила такая сердечная боль, что не будучи в состоянии переносить тяжесть той профессии, которая, быть может, унесла бы меня к сиренам, я бросил все и привел разбитый в щепы корабль в желанное затишье.

Итак ты видишь, в какой философии, как бы в гавани, плаваю я. Но хотя эта гавань широко раскрывается предо мною и хотя ее пространство уже менее опасно, однако и она не исключает вполне заблуждения. Ибо я решительно не знаю, в какой части земли, единственно блаженной, приблизиться и пристать мне. В самом деле, что твердого выработал я, когда меня колеблет и приводит в недоумение еще вопрос о душе? Посему умоляю тебя во имя твоей добродетели, во имя человеколюбия, во имя союза и общения душ, протяни мне руку. А это значит, люби меня и верь, что в свою очередь и я люблю тебя, и ты мне дорог. Если я вымолю это у тебя, то весьма легко и без особенного усилия достигну самой блаженной жизни, обладателем которой считаю тебя. А дабы ты знал, чем я занимаюсь и как собираю своих друзей к той гавани, и дабы отсюда полнее узнал мою душу (иных знаков я не нахожу, которыми бы показал тебе себя), я решил адресовать тебе и

посвятить твоему имени начало моих состязаний, которое, мне кажется, вышло и более благоговейно, и более достойно твоего имени. И это весьма естественно: потому что мы рассуждали о блаженной жизни; а я не вижу ничего, что более следовало бы назвать даром Божиим. Меня не смущает твое красноречие: ибо не могу я бояться того, что люблю, хотя им и не обладаю; а высоты фортуны боюсь еще менее: ибо на твой взгляд, как бы она ни была велика, она имеет второстепенное значение; над кем же она господствует, тех самих делает вторыми. Теперь прошу тебя выслушать то, что я передам тебе.

В ноябрьские иды был день моего рождения. После обеда, настолько скромного, чтобы не обременить им ни одной из душевных способностей, я позвал всех, которые в этот день, как и ежедневно, разделяли с нами стол, посидеть в бани; потому что это место представлялось мне соответствующим погоде и уединенным. Были же со мною, — осмеливаюсь сделать их поименно известными твоему редкому радушию, — во первых моя мать, заслуге которой, думаю, принадлежит все, чем я живу; потом брат мой Навигий, затем граждане и ученики мои Тригаций и Лиценций; даже мне хотелось, чтобы находились тут же мои двоюродные братья, Ластидиан и Рустик; хотя они не терпят никого даже из

грамматиков, но их общий здравый смысл я считал необходимым в деле, которое предпринимал. — Быль, наконец, с нами и наименьший из всех летами, но способности которого, если не обманывает меня любовь, обещают нечто великое; это — мой сын Адеодат. Когда они настроили свое внимание, я начал так.

Глава II

Состязание первого дня

Мы состоим из души и тела. Для тела необходима пища: И для души существует своего рода пища. Тот не блажен, кто не имеет, чего желает. Но блажен и не всякий имеющий то, чего желает. Что должен приобрести человек, чтобы быть блаженным. Кто имеет Бога. Академик не может быть блаженным, следовательно он не мудр.

Представляется ли вам ясным, что мы состоим из души и тела? — Когда все согласились, Навигий отвечал, что он этого не знает — Совершенно ли ты ничего не знаешь, спрашиваю я, или к кое-чему такому, чего ты не знаешь. следует причислить и это? — Не думаю, отвечает, чтобы я ничего не знал. — Можешь ли, спрашиваю, сказать нам что-нибудь из того, что знаешь? — Могу, говорит. — Скажи же, говорю, что-нибудь, если это

не тяжело для тебя. И когда он колебался, я спросил: знаешь ли, по крайней мере, что ты живешь? — Знаю, говорит. — Знаешь, следовательно, и то, что имеешь жизнь? Никто ведь не может жить иначе, как жизнью. Знаю, говорит, и это. — Знаешь и то, что имеешь тело? — Сказал, что знает. Итак, ты знаешь уже и то, что состоишь из тела и жизни? — Между прочим знаю и это; но тело ли только и жизнь существует, этого не знаю. — Итак, говорю, в этих двух, теле и душе, ты не сомневаешься; но не знаешь, нет ли чего еще и другого, что служит к восполнению и усовершенствованию человека. — Да, говорит. — Что это такое, — мы, говорю, исследуем, если можем, в другое время; а теперя, поелику мы все согласны, что человек не может быть ни без тела, ни без души, — я всех спрашиваю: ради чего из них мы нуждаемся в пище? — Ради тела, говорит Лиценций. Остальные же колебались и рассуждали между собою, каким это образом пища может казаться необходимою для тела, когда она требуется для жизни, а жизнь принадлежит только душе. — Кажется ли вам, сказал я тогда, что пища имеет отношение к той части, которая, как мы видим это, от пищи возрастает и делается крепче? — С этим согласились все, за исключением Тригегия. Он возразил: Отчего же не вырос я больше вследствие своей прожорливости? — Все

тела, сказал я на это, имеют свой, природою установленный размер, переростать который они не могут; однако они делаются меньше в объеме, если им недостает пищи, как это легче всего мы замечаем на животных. И никто не сомневается, что тела всех животных худеют, как скоро лишают их пищи. — Худеть, возразил Лиценций, не значит уменьшаться. Для того, сказал я, чего мне хотелось, достаточно и сказанного. Ибо вопрос в том, принадлежит ли телу пища? А она принадлежит ему, потому что тело, когда его лишают пищи, доводится до худобы. — Все согласились, что это так.

Не существует ли, спросил я, и для души своей пищи? Представляется ли вам пищею души знание? — Совершенно так, отвечала мать: я полагаю, что душа питается не иным чем, как разумением вещей и знанием. Когда Тригецию это мнение показалось сомнительным, мать сказала ему: Не сам ли ты ныне научил нас тому, откуда и где питается душа? Ибо, после одного обеденного блюда ты сказал, что не заметил, какую мы пользовались посудю, потому что думал о чем — то другом, хотя от самого блюда не удерживал рук и зубов. Итак, где был твой дух в то время, когда не наблюдал за этим при твоей еде, оттуда и такого рода пищею, верь мне, и питается твоя душа, питается, т. е. умозрениями и размышлениями, если

может чрез них познать что-нибудь. Не согласны ли вы, — сказал я, когда они шумно заспорили об этом предмете, — что души людей ученейших как бы в своем роде полнее и больше, чем душа несведущих? — Несомненно так, отвечали — Значит, будет правильно сказать, что души тех людей, которые не обогащены никакою наукою, не насыщены никаким добрым познанием, души тощие и как бы голодные? — Полагаю, возразил Тригений, что души и таких людей полны, но пороков и распутства. — Это самое сказал я, представляет собою — поверь мне — некоторого рода бесплодие и как бы голод духа. Ибо как тело когда его лишают пищи, почти всегда подвергается болезням и шолудям, которые служат в нем указанием на голод; так точно и души тех людей полны таких недугов, которые свидетельствуют о их голодности. На этом основании древние назвали матерью всех пороков распутство, потому что оно представляет собою нечто отрицательное¹) т. е. потому, что оно — ничто. Противоположная сему пороку добродетель называется воздержанностью. Таким образом, как эта последняя получила свое

---

¹ Nequidquam sit, есть *не* -нечто, т. е. *не есть* нечто, иначе: представляет собою нечто *отрицательное* . Nequidquam составляет игру слов с nequitia, распутство.

название от плода²), ради некоторой духовной производительности, так то названо распутством от бесплодности, т. е. от ничто: ибо ничто есть все то, что уничтожается, что разрушается, что исчезает и как бы постоянно погибает. Оттого и называем мы подобных людей погибшими. Напротив того, есть нечто пребывающее, постоянное, остающееся всегда таким же: такова именно добродетель, значительная часть которой и самая прекрасная называется умеренностью или воздержностью. Если же это представляется для вас не на столько ясным, чтоб вы могли понять, то согласитесь со мною в том по крайней мере, что как для тел, так и для душ, — поелику души и несведущих как бы полны, — существует двух родов пища, одна здоровая и полезная, другая нездоровая и зловредная.

А если это так, то полагаю, что в день своего рождения я должен предложить немного лучшую трапезу не только для наших тел, но и для душ, так как мы согласны ведь между собою, что человек состоит из тела и души, Но я предложу вам эту трапезу, если только вы голодны. Ибо если я стану стараться накормить вас, когда вы будете не хотеть

---

² Воздержность, *frugalitas*.... от плода, а *fruge*: опять игра слов.

и брезгать, то напрасно потрачу труд; а было бы желательнее, чтобы вы требовали более этого рода пищи, чем пищи телесной. Это случится, если ваши души будут здоровы; потому что больные, как мы видим это и в недугах тела отказываются от своей пищи и не принимают ее. — С довольным видом лица и в один голос сказали все, что все, что бы ни изготовил я, они уже заранее принимают и благодарят меня.

Желаем ли мы быть блаженными, спросил я, вступая снова в беседу? — Едва произнес я эти слова, все в один голос отвечали, что это так. — Считаете ли выпрашиваю далее, блаженным того, кто не имеет чего желает? — Нет, отвечают — Значит, блажен всякий, кто имеет то, чего желает? — Блажен, отвечает мать, если он желает и имеет доброе; если желает худого, то несчастен, хотя бы и имел. — Ты, мать, говорю я ей с улыбкой радости, решительно овладела самою крепостию философии. Только за недостатком, без сомнения, слов ты выразилась не так пространно, как Туллий, с изречением которого согласны слова твои. Именно, в сочинении Гортензий, написанном им в похвалу и защиту философии, он говорит следующее: «Вот все, — не философы, впрочем, а люди готовые поспорить, — говорят, что блаженные суть те, которые живут так, как им хочется; но это не верно, поелику хотеть того, что

не прилично, само по себе есть величайшее несчастье. Не получить желаемого не столько бедственно, сколько желать получить недолжное. Ибо порочность воли делает каждому более зла, нежели фортуна добра. «Этимися словами она (мать) высказалась так, что мы совершенно забывши о ее воле, подумали, что с нами восседает некий великий муж, — между тем как я понимал, насколько мог, из какого и сколь божественного источника они проистекли. — Но, говорит Лиценций, ты должен, сказать нам, чего каждый должен желать и к чему следует ему стремиться, дабы быть блаженным. — Если угодно, заметил я ему, пригласи меня в день своего рождения, я охотно буду кушать все, что ты мне ни предложишь. — На таких же условиях прошу сегодня кушать и у меня, и не требовать того, что, быть может, не изготовлено. — Когда он начал сожалеть о своем скромном и боязливом замечании, я сказал: Итак мы согласны, что кто не имеет того, чего желает, не может быть блаженным; а с другой стороны, не всякий блажен и тот кто имеет то, чего желает? — Отвечали, что согласны.

Не согласитесь ли вы, спрашиваю, и с тем, что тот несчастен, кто не блажен? — Сомневающихся не оказалось. — Значит, спрашиваю опять, всякий, кто не имеет чего желает, несчастен? — Все согласились, что это так. — Что же, продолжаю я,